

ДАЙВЕРШИ ЧЕДЖУ КАК МОДЕЛИ СОВРЕМЕННЫХ КОРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН В КОРЕЙСКИХ СМИ ПОД ЯПОНСКИМ КОЛОНИАЛЬНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ

¹ Ли Сохён, ² Мионг Сун Ок

АННОТАЦИЯ

В этом исследовании рассматриваются сложная жизнь и роль ныряльщиц Чеджу как независимых современных женщин, отраженная в корейских СМИ в японскую колониальную эпоху, путем анализа статей единственной корейской газеты того времени Мэиль синбо. В 2016 году ныряльщицы Чеджу были внесены в список Нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО и имеют большое значение как ведущая модель для становления современных корейских женщин. В предыдущих исследованиях ныряльщицы Чеджу рассматривались как уникальный образ жизни и культурная конструкция, сформированная в особой среде островного региона. Однако они вели новаторскую и прогрессивную жизнь, несмотря на ограничивавшие женщин двойную репрессивную структуру колониального правления и феодальные традиции. Они стали независимыми экономическими проводниками, вынося экстремальный труд в опасной среде морских глубин, а также сопротивлялись власти, не умалчивая об эксплуатации и угнетении. А через организацию добровольных организаций принятия решений они сами защищали свои права и интересы.

Ключевые слова: Дайверы Чеджу, современные корейские женщины, колониальный период Кореи, корейская газета «Мэиль синбо».

¹ Университет Чеджу, Чеджу, Республика Корея

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан; Институт глобализации и мультикультурных исследований, Ханьянский университет, Сеул, Республика Корея

Автор-корреспондент:
Мионг Сун Ок
okmyong@gmail.com

Ссылка на данную статью:
Ли Сохён, Мионг Сун Ок.
Дайверши Чеджу как модели современных корейских женщин в корейских СМИ под японским колониальным правлением // Адам әлемі. – 2022. – № 4 (94). – С. 87-97.

Жапон отаршылдығы кезінде корейлік БАҚ-тағы заманауи корей әйелдерінің үлгісі ретіндегі Чеджу сүңгуірлері

Аннотация. Бұл зерттеу – сол кездегі жалғыз корей газеті Maeilshinbo-дағы мақалаларды талдау арқылы жапон отаршылдық дәуіріндегі корей ақпарат құралдарында көрсетілген Чеджу сүңгуірлерінің «жаңа заманғы әйел» бейнесі ретіндегі қиын тағдыры мен бейнесін қарастырады. Чеджу сүңгуір әйелдері 2016 жылы ЮНЕСКО-ның «Адамзаттың материалдық емес мәдени мұрасы» ретінде тіркеліп, қазіргі корей әйелдеріне жетекші үлгі ретінде үлкен мәнге ие болды. Алдыңғы зерттеулерде, Чеджу сүңгуірлерінің арал аймағындағы ерекше ортада қалыптасқан өзгеше өмір салты мен мәдени байланысы қарастырылды. Алайда, олар отаршылдық биліктің қос репрессиялық құрылымына және әйелдердің құқығын тежеп тұрған феодалдық дәстүрге қарамастан, жаңашыл және прогрессивті өмір сүрді. Олар теңіз тереңіндегі қауіпті еңбекке араласа отырып, «тәуелсіз экономикалық агенттерге» айналды және отаршылдардың қанауы мен езгісіне көне жүріп, билікке қарсы тұра алатындарын көрсетті. Шешім қабылдаушы ерікті органдарды ұйымдастыру арқылы олар өздерінің шаруашылық қызмет құқықтары мен мүдделерін қорғады.

Түйін сөздер: Чеджу сүңгуірлері, қазіргі корей әйелдері, Кореяның отаршылдық кезеңі, корей газеті.

Jeju Divers as Models of Modern Korean Women in Korean Media Under the Japanese Colonial Rule

Abstract. This study examines the challenging lives and roles of Jeju divers as independent modern women reflected in Korean media during the Japanese colonial era, by analyzing the articles in Maeil-shinbo, the only Korean newspaper at the time. Jeju woman divers were registered as UNESCO's Intangible Cultural Heritage of Humanity in 2016 and have great significance as a leading model in the beginning of modern Korean women. In previous studies, Jeju divers have been treated as a unique lifestyle and cultural construct formed in the special environment of the island region. However, they pursued a pioneering and progressive life despite the double oppressive structure of the colonial rule and the feudal tradition that restrained women. They became independent economic agents by enduring extreme labor in the dangerous environment of the deep sea, and also resisted power without being silent about the exploitation and oppression of the colonists. And through the organization of voluntary decision-making bodies, they themselves protected their rights and interests in economic activities.

Key words: Jeju Divers, Korean Modern Women, Colonial Period Of Korea, Korean Newspaper.

Введение

В традиционном обществе атрибуты, касающиеся пола, социального статуса и идентичности, были относительно статичными, поэтому людям не предоставлялась свобода выбора в отношении таких свойств [1]. С тех пор, как династия Чосон приняла конфуцианство в качестве государственной религии в конце 14 века на Корейском полуострове, патриархальный порядок, в котором доминируют мужчины, прочно утвердился на протяжении 600 лет. В конце 19 века иностранные державы заставили Чосон открыть свои двери. Однако Чосон отказался и после был насильственно аннексирован Японской империей в 1910 году.

Трансформация корейских социальных и экономических структур во время японской оккупации послужила импульсом для предоставления корейским женщинам возможности участвовать в жизни общества и поднять свое существование и роль.

В колониальный период опыт субъектов двойственен: с одной стороны, они страдают от империалистических репрессий, а с другой — осознают такую репрессивную ситуацию эпохи [2]. Даже в двойной репрессивной структуре па-

триархальной традиции и японского колониализма приток западной культуры и создание новых рабочих мест позволили корейским женщинам выйти за рамки своих стереотипных ролей, таких как ведение домашнего хозяйства и уход за детьми.

Предыдущие исследования Синёсон (Новые женщины) в колониальную эпоху продемонстрировали, что субъективность современных корейских женщин возникала и развивалась новаторски, но не могла охватить деятельность и роли других типов женщин из-за слишком большого внимания к дискурсу Синёсон, который на самом деле представлял не что иное, как небольшую часть. По этой причине Хесук Тхэ [3, с. 46] указала на необходимость исследования различных женщин, которые жили в городах и сельских районах в колониальную эпоху, включая домохозяйек, официанток, секретарш, проституток, работниц, женщин-фермеров и сексуальных рабынь военных. Есть и другие статьи, в которых исследовались современные женщины, такие как парикмахеры [2; 4], официантки в кафе [5] и современные девушки [6], но большая часть этого исследования остановилась на исследовании биографии женщины-карьеристки и ее общества на волне модернизации.

Методология

Женщины-ныряльщицы занимались экономической деятельностью, обладая опытом работы в определенной сельской местности Чеджу, но не привлекали внимания как Синёсон, потому что они были стереотипированы в основном как культурный продукт, созданный местными особенностями Чеджу. В них видели лишь образ чудесных сильных женщин с традиционным способом труда в суровых морских условиях, живших на грани жизни и смерти [7, с. 439-440]. На рост Хэнё как профессии большое влияние оказал японский колониальный капитализм [8, с. 128]. В процессе капитализации морепродуктов вокруг острова Чеджу и ближнего моря, море превратилось в пространство уникального труда и производства, а труд ныряльщиц Чеджу превратился в карьеру.

Культура Чеджу Хэнё (женщины-дайверы на Чеджу) была высоко оценена из-за ее уникальности и общественной культуры и внесена в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО в 2016 году [9]. Что еще более важно, это первый случай регистрации женщин в качестве субъектов среди примерно 300 элементов Списка нематериального культурного наследия. Чеджу Хэнё не только имеет местные и культурные ценности, но и является одной из женских профессий, возникших в колониальную эпоху, знаменующую историческое происхождение современных корейских женщин, поэтому их жизнь и деятельность должны быть в первую очередь освещены. В частности, необходимо обратить внимание на то, как они преодолели и, где преобладали взгляды на противоположные ценности, как традиционные женщины, так и женщины-профессионалы.

В частности, необходимо обратить внимание на то, как они преодолели и первыми в жизненном пространстве, где преобладали перспективы противоположных ценностей как традиционные женщины и «профессиональные» женщины.

Исследователи собрали и проанализировали статьи о Хэнё, опубликованные в «Мэиль синбо», чтобы исследовать их жизнь и деятельность между традиционным порядком и различными социальными изменениями в колониальную эпоху. Мэиль синбо была японской газетой, которая играла марionеточную роль в пропаганде идеи японской агрессивной войны после насильственного приобретения Korea Daily News японским генерал-губернатором Кореи в конце эпохи Корейской империи и корейско-японской аннексии [10]. По этой причине Мэиль синбо не привлекал столько внимания, как исследовательский источник. Тем не менее, мы анализируем Мэиль синбо, потому что это была единственная издаваемая корейская газета во время всей японской оккупации [11] и, как считается, в ней было сравнительно много новостей о Хэнё, которые в основном освещались в социальных и культурных разделах; а также потому, что газетные СМИ в основном гарантируют объективность и справедливость, ярко раскрывают разнообразную жизнь людей того времени.

Новости о Хэнё, опубликованные в Мэиль синбо во время японской оккупации, насчитывали 131 статью, большинство из которых (114) были простыми прямыми новостями, за которыми следовали тематические статьи (9), интервью (3), искусство/литература (3) и фото статьи (2). Статьи были в основном классифицированы по содержанию: ныряльщицы-мигранты Хэнё, их права и интересы, а также их жизнь.

Результаты

Результаты исследования разделены на следующие четыре категории: женщины-профессионалы как добровольные экономические проводники; водолазы-мигранты как символ субъективации; активно сопротивляющиеся

субъекты: коллективный протест и борьба с несправедливостью; иерархическое сообщество, основанное на демократической структуре принятия решений. Одной из характеристик Чеджу Хэнь во время японской оккупации было то, что они превратились в профессиональных карьеристок в современном понимании. В отличие от традиционного взгляда, где женщинам отводилась домашняя роль принудительного труда, Чеджу Хэнь возникли как независимые экономические проводники, которые могли получать доход в качестве награды за свои усилия. Этот доход также способствовал их выходу на потребительский рынок.

Преобладание крупномасштабного ныряния мигрантов было связано с ситуацией после появления японских торговцев в 1900 году, когда спрос на морепродукты увеличился вместе с ростом цен на них [12, с. 151]. С более широкой точки зрения империалистической стратегии по обеспечению ресурсов в колонии, обстоятельства в которых Чеджу Хэнь росли карьерно, можно объяснить потребностью в рабочей силе в рыбной промышленности. Работа, которую они должны были выполнять, была подобна военной операции, и их деятельность стала жизненно важной в экономическом масштабе, который постепенно увеличивался все больше и больше. Следующий отрывок из статьи показывает, как они проявляя страсть к своей работе, преодолевали трудности суровой морской среды и неблагоприятных физических условий, таких как беременность.

Знаменитые на Чеджу Хэнь, женщины-ныряльщицы, собирающие в море морские ушки и морские водоросли... Как бы сильно ни волновались волны или как бы ни дул сильный ветер, они свободно и без страха плавают в бескрайнем море, словно входя и выходя из собственного дома; как русалки, а не люди... Они работают практически каждый день в году, кроме двух месяцев, декабря и января. Также отмечают то, что

если бы они беременны, то все равно ныряли бы в море, за исключением последнего месяца перед беременностью и месяца после родов. Как следствие, у них очень громоздкие тела с кожей цвета красного дерева, что является настоящей моделью карьеристок, которые ничего не знают о холоде, когда на самом деле холодно, и ничего не знают о болезни, когда они действительно больны [13]

Работа женщин Хэнь была очень тяжелой. Требовалась большая физическая выносливость и сила духа, чтобы столько времени проводить в море, собирая водоросли и морепродукты этим традиционным методом. Фраза, относящаяся к Чеджу Хэнь, «жить в этом мире на деньги, заработанные в потустороннем мире» относится к трудностям их работы, часто на грани между жизнью и смертью, плавая под водой до последнего вздоха при каждом нырянии, почти как воины и солдаты, которым приходилось терпеть тяжелейшие условия.

Газета Мэиль синбо также сообщает о солидарности и совместной деятельности, которую женщины Хэнь поддерживали своей работой. Например, есть упоминание о незамужней женщине-ныряльщице, которая своим трудом копит деньги для своих свадебных расходов. Другая история относится к невесте, которая, занимаясь морским дайвингом, покрывает расходы на обучение своего жениха за границей в Токио, занимаясь морским дайвингом [13].

Некоторые из них, кроме того, стали основной семейной кормилицей, накопили немало богатств, приобретая поля в некоторых сельских районах, которые считаются ценным имуществом [14, с. 176]. Они также отправляли своих детей в университеты [13] и, что немаловажно, помогали поддерживать свои большие семьи [15, с. 211]. Есть даже примеры пожертвований, например, они пожертвовали нации самолет и корабль, чтобы внести свой вклад в защиту национальной земли после начала войны на Тихом

океане [13]. Таким образом, доходы этих женщин-ныряльщиц не только внесли свой вклад в экономику домохозяйств, но и оказали значительное влияние на изменение местной экономики [12, с. 149-150].

Масштабы ныряльщиц Чеджу Хэнё, исчислялись тысячами [16, с. 146; 13]. Например, статья Мэиль Синбо [13] показала, что 5000 из 8000 женщин-ныряльщиц с Чеджу ныряли, а их доходы поддерживали экономику Чеджу. Социальная ценность этих женщин-ныряльщиц была хорошо представлена фразой «Хэнё, живущие в Чеджу или Чеджу процветающий, благодаря Хэнё?» [13]. Популярность деятельности женщин-дайверов вызвала перемещение населения на острове Чеджу до такой степени, что экономические центры острова сместились с ферм в рыбацкие деревни [17, с. 488].

Соответственно, Хэнё стали проводниками экономического роста и богатства, превзойдя их первоначальную деятельность на уровне прожиточного минимума и изменив социальный ландшафт и признание корейских женщин-профессионалов. Труд Хэнё, первоначально считавшийся низшей формой работы в корейском обществе, вскоре получил новое признание как имеющий коммерческую ценность [15, с. 208]. Дайверы-женщины не только сбежали из традиционного семейного зависимого статуса; их деятельность вышла за рамки их собственного местного опыта, возродившись как независимые экономические проводники на национальном уровне, вырвавшись из границ ныряния ныряльщиц. Хэнё начали занимать лидирующие позиции в экономической деятельности, участвуя сами во многих видах контрактов, переговоров и сделок, а также занимаясь своим трудовым участием и прибылью от продажи морепродуктов.

Растущий спрос на ныряльщиц и конкуренция за их найм зарегистрированы в Мэиль синбо, где рыбацкие ассоци-

ации от Хванхэ-до до Пусана и Ульсана предлагают контракты [13]. В процессе участия Хэнё для добычи морепродуктов возникла потребность в большем количестве посредников и проводников по сбыту, а также в рекрутерах, торговцах морепродуктами, владельцах рыбных промыслов и потребность в сотрудничестве с местной ассоциацией рыбаков [7, с. 455-456]. Постепенно помимо ныряния Хэнё стали вовлекаться во все эти виды деятельности. Однако было также много рисков, связанных с пересечением границы, а также купанием в суровых морях [14, с. 173]. Газета сообщает о многочисленных несчастных случаях, смертей [13] и исчезновений в плохую погоду [13].

Как указывалось, расширение рабочего пространства женщин-водолазов иногда вызывало конфликты с местными жителями [18, с. 305-306]. Согласно сообщениям средств массовой информации, в то время, когда женщины-дайверы из Чеджу мигрировали в поисках морепродуктов вокруг острова Хыксандо, расположенного на юго-западе Корейского полуострова, где не было сельскохозяйственных угодий, они были выгнаны аборигенами Хыксандо, которые жили благодаря сбору морепродуктов и написали петицию в отношении ныряльщиков с Чеджу о сохранении своих прав [13]. Презируемые жителями за пределами Чеджу, женщины-ныряльщицы основали свои собственные общины и деревни [13], что свидетельствует о серьезности конфликтов из-за экономических интересов между местными и Хэнё.

Все эти конфликты увеличили опыт, уверенность и самостоятельность женщин-дайверов, которые ответили тем, кто обвинял их в отсутствии женских добродетелей в большом количестве разводов в их сообществах:

Если женщин без образования, а только рожаящих детей и готовящих еду бросят их мужья то они могли умереть с голоду. Какими навыками они

могли зарабатывать себе на жизнь? Им придется, плача выпрашивать еду, пусть и отвратительную. В противном случае как пособие на проживание они просили бы у своих мужей деньги. Мы так не поступаем. Имея здоровые руки и ноги, почему мы не можем зарабатывать деньги? Зачем подвергать себя насилию со стороны презирающих нас мужей? В то время как на улице есть много женщин, которые думают о том, какое финансовое положение у их потенциальных женихов, мы не такие. Мы пытаемся сами запланировать свой жизненный бюджет [13].

Утверждения, подобные приведенному выше, так и степень независимости, которую приобрели эти женщины-ныряльщицы, вырвавшиеся из тени мужчин и даже сочувствующие женщинам в других областях, которые все еще вели зависимую жизнь, выпрашивая деньги у своих мужей в кандалах бедности.

Как видно, мигрантская экономическая деятельность Хэнэ привнесла не только пространственное перемещение в их жизненную сферу, но и полную смену парадигмы жизни. Торговля на последовательных этапах ныряльщиц; обеспечение контракта, выполнение работы, продажа и распределение добываемых морепродуктов - все эти действия помогли им постепенно стать независимыми подрядчиками и заниматься экономической деятельностью. Хотя в некоторых областях они подвергались дискриминации и презрению как работающие иммигранты, они были уверены, что их карьера более независима и приносит удовлетворение, по сравнению с карьерами других женщин. Многие статьи в газете Мэиль синбо показывают, что Чеджу Хэнэ активно справлялись с конфликтами и проблемами не только на рабочем месте, но и внутри институциональных властных структур. В невыгодных колониальных условиях, если так называемому «слабому полу» пришлось бы терпеть более тяжелые условия, Хэнэ даже отважились на коллективное со-

противление, которое завершилось борьбой против абсурда и эксплуатации японского империализма.

Начало недовольства и противодействия японской власти началось в истощенных рыболовных угодьях острова Чеджу, где деятельность Хэнэ оказалась под угрозой из-за повышения налогов и чрезмерной уплаты рыболовных сборов. Также росло число промежуточных торговцев, несправедливости со стороны японских чиновников и злоупотребления властью. Эта ситуация вынудила женщин-дайверов искать большей независимости в своей работе и начать выполнять некоторые промежуточные задачи самостоятельно.

Подводные районы острова Чеджу до представляют собой вулканические рифы, богатые водорослями, морскими ушками и разными видами моллюсков [19, с. 47-48]. Морепродукты, производимые в этом районе, стали важным источником сырья для других отраслей промышленности, таких как кондитерская отрасль, медицина, текстиль и даже порох для войны [18, с. 299-300]. Но японские рыбаки, владевшие современными технологиями, стали собирать большое количество морепродуктов и опустошили местность. В 1912 году Генерал-губернаторство Японии объявило Указ о рыболовстве, чтобы обеспечить устойчивую и стабильную защиту морских ресурсов. Этот указ вынудил Хэнэ платить сборы за использование рыболовных угодий недавно утвержденной и созданной ассоциации рыболовов [18, с. 311-4]. Гонорары составляли четвертую часть их дохода, заработанного за шесть с половиной месяцев, и почти равнялись расходам на питание за три месяца на промысле [18, с. 314]. Другие проблемы были связаны с тем фактом, что торговцы, которые продавали морепродукты, собранные женщинами-ныряльщицами, часто вступали в сговор, чтобы перехватить прибыль, тем самым подвергая женщин-ныряльщиц двойным проблемам.

Наконец, недавно назначенный японский глава ассоциации рыбаков предоставил эксклюзивное право продажи конкретному торговцу, и цены на морепродукты еще до того, как они были собраны упали примерно вдвое от их первоначальной стоимости [20, с. 131]. Все эти причины привели к росту антияпонских настроений Хэнэ и их организационных протестов [21, с. 67]. От имени 8000 женщин-дайверов четырнадцать представителей Канчжон-ри выступили в Ассоциации Хэнэ и подали петицию, в которой указывались следующие требования: компенсировать ущерб, нанесенный испорченным на сегодняшний день морским продуктам; ответственно оплачивать дебиторскую задолженность; обозначить место покупки как район производства; и оплатить счета наличными [13].

Согласно записям, между 1931 и 1932 годами было 238 больших и малых протестов (более одного каждые два дня), а общее количество участников протестов в год достигало 17 130 человек [20, с. 130]. В качестве примера можно привести так называемое «нападение на полицейский участок Схва-ри», инцидент, произошедший 24 января 1932 года и связанный с жестоким протестом, в ходе которого около 500 женщин-ныряльщиц, вооруженных мотыгами для прополки и метлами, напали на полицейский участок, чтобы спасти 100 женщин-ныряльщиц, которые ранее были арестованы. Этот инцидент был отмечен как беспрецедентный не только для Чеджу, но и для всей эпохи Чосон. Протесты женщин-дайверов в защиту своих прав и интересов рассматривались властями как вопрос, связанный с политической идеологией, и были предприняты шаги по подавлению всех проявлений протестов. Газета Мэиль синбо включает несколько сообщений по этому поводу:

24 числа прошлого месяца они арестовали 29 членов Совета народного движения, несмотря на петицию женщин-ныряльщиц. Этот шаг был на-

правлен на искоренение левых схем, чтобы женщины-ныряльщицы не пользовались левым движением, а не привлекались в качестве рабочих. Но ныряльщицы яростно сопротивлялись... Ныряльщиц, собравшихся в этот день, насчитывалось даже восемьсот человек. [13]

В то время власти определили проблему Хэнэ как спровоцированную левыми организациями и арестовали сорок членов Совета народного движения. Против этого ареста женщины-ныряльщицы запланировали протест, но встретили ряд мер пресечения [13]. В течение рассматриваемого периода след кровавых протестов Первоапрельского движения 1919 года против имперского правления Японии был очевиден. Это привело к усилению цензуры и контроля. Публичные демонстрации были ограничены, а вооруженная полиция преследовала людей на улицах. Интеллектуалы не могли высказать свое мнение. На этом фоне женщины-ныряльщицы, объединившиеся на уличных протестах, рисковали жизнью перед силами вооруженной полиции. Они вместе пели песню Хэнэ, демонстрируя свое сопротивление и даже спасая своих коллег из-за решетки. Таким образом, женщины, которые были слабыми в колониальную эпоху, теперь продемонстрировали дух борьбы и мужества против империалистических репрессий и грабежей, оставив образец активности и общественной поддержки современным корейским женщинам. Действительно, в 2003 году корейское правительство объявило Хэнэ патриотами независимости [21, с. 67].

В деятельности Хэнэ была группа под названием Джамсухой, которая действовала как организация, в которой все участвовали в демократическом принятии решений по большим и малым вопросам, чтобы поддерживать внутренний порядок и солидарность. Джамсухой представляет собой аппарат для управления рисками, координации действий

и информирования общественности о проблемах Хэнё. Джамсухой функционировал в общественной сфере, чтобы максимизировать эффективность труда, где Хэнё могли делиться профессиональными знаниями о морях и рыболовных угодьях, а также информацией о рисках. Было несколько женщин-ныряльщиц, которые имели большой опыт и отличные навыки и были полны знаний о рифах, добыче морепродуктов и так далее. Они руководили сообществом, в котором решение по каждому вопросу принималось единогласно посредством процедуры обсуждения и консенсуса всей группой, а не отдельными лицами. Мнение старшего члена также высоко ценилось, традиция, унаследованная из поколения в поколение в сообществе Хэнё [21, с. 66; 22, с. 59].

В следующей статье, опубликованной в Мэиль синбо, показан случай, когда женщины-ныряльщицы обсудили и проголосовали за контрмеры против высоких сборов за вход на промысловые участки, ситуацию, в результате которой дайверы-мигранты, которые не могли платить сборы, были вынуждены вернуться на Чеджу:

10 числа этого месяца члены Совета представителей женщин-дайверов деревень и дайвер Хэок Сон появились в штаб-квартире Ассоциации рыболовов и решили провести массовый митинг в Пусане 17 числа во главе с женщинами-дайверами Чеджу, чтобы публично потребовать сокращения вступительных взносов на рыболовные угодья и подать петицию властям. [13]

Сообщество Хэнё добровольно создало структуру для принятия решений, а также традицию сильного сообщества. От женщин-ныряльщиц также требовалось длительное обучение, чтобы набраться опыта перед выполнением подводных работ. Они были разделены на группы с высоким (сангун), средним (джунгун) и низким (хагун) опытом. Среднее время погружения было в пределах одной минуты, а средняя глубина около пяти-пятнадцати метров.

Инструкции служили для защиты ныряльщиц от возможных рисков, заставляя их соблюдать правила подводной работы. Женщины-ныряльщицы часто работали в команде от пяти-шести до десяти человек, среди которых самые старые и опытные брали на себя инициативу и руководили другими ныряльщицами [13]. Поскольку дайверы могли спастись сами, запутавшись в водорослях, их товарищи должны были научиться освобождать друг друга и никогда не уплывать от группы [23, с. 44-45]. Также важно следить за приливами. Для них рабочее пространство имело решающее значение. Если дайвер забрел в зону другого дайвера, он был серьезно наказан. Когда такое нарушение имело место, высококлассные ныряльщицы обеих зон встречались для обсуждения и переговоров [13].

«Бультэк» был убежищем для Хэнё; пространство, которое демонстрирует специфику общества Хэнё. Это было место, где они собирались, переодевались и готовились к погружению в море. «Бультэк» также использовался, чтобы отдохнуть и обсохнуть у костра, слушая, как опытные дайверы делятся информацией о подводных навыках, готовя дайверов-новичков следующего поколения к работе - традиция, которая продолжается и сегодня [23, с. 59].

Заключение

В заключение этой статьи о корейском Чеджу Хэнё авторы использовали информацию, опубликованную в газете Мэиль синбо, чтобы продемонстрировать важность Хэнё в переходе к современной карьере женщин в Корее. Несмотря на колониальное господство, у этих женщин был шанс пробудиться [24, с. 84] и увидеть, как их деятельность выходит за рамки простой стратегии выживания, чтобы принести экономическое изобилие и расширить возможности сообщества женщин-ныряльщиц как экономических проводников, сначала

ла на местном, а затем на национальном уровне.

Смысл жизни Хэнь как карьеристок выходит за рамки социально-экономических ценностей. Их деятельность изменила весь уклад их жизни, став моделями подражания для других женщин. Они реализовывали свои права в общественной сфере, преодолевая трудности подводного плавания, а также отстаивая свою независимость от мужской власти и даже японской имперской власти. Хэнь не молчали перед лицом социальной несправедливости и ущемления прав и интересов. Как сообщество, они действовали как демократический орган, принимающий решения, поддерживая внутренний порядок, солидарность и помогая защищать себя различными способами.

В этом исследовании была предпринята попытка выйти за рамки поверхностного обзора жизни Хэнь и перейти к более глубокому изучению, в котором подчеркивается их ролевая модель женщин. Однако, учитывая масштаб этого исследования, ограниченного анализом новостей о Хэнь, опубликованных в газете Мэиль синбо. Данная работа останется исследованием, которое надеется открыть путь к более глубокому обсуждению. Это станет возможным благодаря дальнейшим исследованиям устных историй этих женщин-ныряльщиц, которые работали во время японской оккупации и многие из которых живы до сих пор.

Список литературы

1 Giddens Anthony. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – California, Stanford University Press, 1991. – 256 с.

2 김 은정. 1930-1940년대 서비스직 여성의 노동경험을 통한 '직업여성'의 근대적 주체성 형성과 갈등에 관한 연구: 미용사 L의 생애구술을 중심으로 // 한국사회학회지. – 2012. – №46(1). – 64-100.

3 태 혜숙. 한국의 식민지 근대체험과 여성공간: 여성주의 문화론적 접근을 위하여 // 한국여성연구. – 2004. – №29. – С. 33-56.

4 김 미선. 근대적인 직업여성의 여성 정체성과 직업의식의 형성과정에 대한 연구// 여성과 역사. – 2009. – №10. – С. 141-186.

5 서 지영. 식민지 시대 카페 여급 연구: 여급 잡지 “女聲”을 중심으로 // 한국여성연구. – 2003. – № 19(3). – С. 31-73.

6 서 지영. 식민지 조선의 모던걸: 1920-30년대 경성 거리의 여성 산책자 // 한국여성연구. – 2006. – №22 (3). – С. 199-228.

7 안 미정. 해방 전후 제주 잠수(해녀)들의 부산 정착의 사회사적 고찰: 지역 간 경계를 넘는 이동과 갈등을 중심으로 // 탐라문화. – 2010. – №37. – С. 437-479.

8 안 미정. 열린 바다 위의 분쟁: 식민지 관행과 해양자유론의 재고찰 // 일본연구. – 2012. – №34. – С. 119-150.

9 UNESCO. Culture of Jeju Haenyeo (women divers). <https://ich.unesco.org/en/RL/culture-of-jeju-haenyeo-women-divers-01068> (Retrieved February 5, 2018).

10 김 성희. 1면으로 보는 한국 근현대사 1: 1884부터 1945까지. . – 서울: 서해문집, 2009. – 240 с.

11 정 혜경. 매일신보를 통해 살펴본 일제하식민지 조선인의 방공정책과 프로파간다 // 송실대학교 역사고찰. – 2011. – №27. – С. 41-80.

12 진 관훈. 일제하 제주도 경제와 해녀노동에 관한 연구 // 계간 한국학. – 2004. – №27(1). – С.149-178.

13 매일신보. 일제 식민시대 한인신문. 1910-1945

14 고 승한 제주해녀의 사회문화적 의미와 가치변화 // 제주발전연구. – 2004. – №8. – С. 173-190.

15 장 혜련. 제주해녀-바다를 횡단하는 트랜스내셔널 유목주체// 비교한국학. – 2011. – №19. – С. 195-221.

16 강 대원. 제주잠수부 권익 투쟁사. – 제주: 제주문화, 2001. – 352 с.

17 안 미정. 식민지시대 한일해역의 자원과 해녀의 이동 // 한국민족문화. – 2016. – №58. – С. 481-517.

18 김 수희. 일제시대 남해안어장에서 제주해녀의 어장이용과 그 갈등 양상 // 한국역사학회지. – 2007. – №21. – С. 297-322.

19 푸미오 타카노. 쇠퇴하는 해녀어업에 대하여// 정 광중 역. 제주역사학지. – 2002. – №11. – С. 47-58.

20 김 영돈. 제주해녀의 실상과 의지 // 아시아비교민속학. – 2000. – №18. – С. 125-133.

21 Ko Chang Hoon. A new look at Korean gender roles: Jeju (Cheju) women as a World Cultural Heritage // *World Environment and*

Island Studies. – 2013. – №3(1). – С. 55-72.

22 한 임화. 제주잠수의 사회문화적 의미와 역동성. 해양문명사에서의 잠녀의 가치와 문화적 계승. // 국제 해녀 학술회의 자료, 세계도서학회, 제주대학교 평화연구소. – 2002. – С. 57-61.

23 김 학모, 안 미정, 박 경훈. 제주해녀와 일본아마 비교 연구. 제주: 제주해녀박물관 및 지방경제연구원, 2014.

24 이 상경. 이 기영. 시대와 문학. – 서울: 풀빛, 1994. – 457 с.

Transliteration

1 Giddens Anthony. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – California, Stanford University Press, 1991. – 256 s. (in Eng)

2 Kim Eunjung. 1930-1940nyeondae seobiseujigyeoseong-uinodong-gyeongheom-eul tonghan 'jig-eob-yeoseong'ui geundaejeog jucheseong hyeongseong-gwa galdeung-e gwanhan yeongu [Life Story of a Working Woman in the Newly Developed Service]

3 Tae Heasook. hangug-ui sigminji geundaecheomgwa yeoseong-gong-gan: yeoseongjuui munhwalonjeog jeobgeun-eul wihayeo [The experiences of Korean colonial modernity and women's space: Toward an approach of Feminist Cultural Theory] // *Journal of Korean Women's Studies*. – 2004. – N 29. – S. 33-56. (in Kor)

4 Kim Mee-Sun. geundaejeog-in jig-eob-yeoseong-ui yeoseong jeongcheseong-gwa jig-eob-uisig-ui hyeongseong-gwajeong-e daehan yeongu [A study of formation of professionalism and woman identification of modern 'career woman': Focused on oral life history of the first generation beautician, Lim Hyeoeng-Seon] // *Women and History*. – 2009. – N 10. – S. 141-186. (in Kor)

5 Suh Ji-young. sigminji sidae kape yeogeub yeongu: yeogeub jabji yeoseongeul jungsim-eulo [Café waitress in colonial Korea: An analysis of waitress magazine, Yeoseong]. *Journal of Korean Women's Studies*. – 2003. – N 19(3). – S. 31-73. (in Kor)

6 Suh Ji-young. "sigminji joseon-ui modeongeol: 1920-30nyeondae gyeongseong geolliui yeoseong sanchaegja [Modern girl in colonial Korea: Female flaneur on the streets of Seoul in 1920s-30s] // *Journal of Korean Women's Studies*. – 2006. – N 22 (3). – S. 199-228. (in Kor)

7 An Mi-Jeong. haebang jeonhu jeju jamsu(haenyeo)deul-ui busan jeongchag-ui sahoesajeog gochal: jiyegog gan gyeong-gyeleul

neom-eun idong-gwa galdeung-eul jungsim-eulo [Social history of settlement in Busan of Jamsu from Jeju around 1945: Movements and conflicts across local borders] // *Tamla Munhwa*. – 2010. – N 37. – S. 437-479. (in Kor)

8 An Mi-Jeong. yeollin' bada wiui bunjaeng: sigminji gwanhaeng-gwa haeyangjayulon-ui jaegochal [Conflict on the 'Opening' sea: A critique on colonial custom and freedom of the sea] // *Journal of Japanology*. – 2012. – N 34. – S. 119-150. (in Kor)

9 UNESCO. Culture of Jeju Haenyeo (women divers). <https://ich.unesco.org/en/RL/culture-of-jeju-haenyeo-women-divers-01068> (Retrieved February 5, 2018).

10 Kim Sung-Hee. 1myeon-eulo boneun hangug geunhyeondaesa 1: 1884buteo 1945 kkaji [Korean modern history through the front pages of newspapers: From 1884 to 1945]. – Seoul: Booksea, 2009. – 240 s. (in Kor)

11 Jung Hye Kyung. "maeilsinboleul tonghae salpyeo bon iljehasigminji joseon-in-ui bang-gongjeongchaeggwa peulopaganda [A study on the Japanese's air defense policy and propaganda at the Colonial Joseon through the Maeil Shin Bo] // *The Historical Review of Soong Sil University*. – 2011. – N 27. – S. 41-80. (in Kor)

12 Jin Kwan Hun. iljeha jejudo gyeongjewa haenyeonodong-e gwanhan yeongu [A study on economy and women diver's labor in Jeju under the Japanese occupation] // *Korean Studies Quarterly*. – 2004. – N 27(1). – S.149-178. (in Kor)

13 Mail-shinbo. Korean newspaper. 1910-1945.

14 Koh Seung Hahn. jejuhaenyeoui sahoemunhwajeog uimiwa gachibyeonhwa [Social and cultural meaning and value changes of Jeju women divers] // *Jeju Development Studies*. – 2004. – N 8. – S. 173-190. (in Kor)

15 Jang Hye lyeon. jejuhaenyeo-badaleul hoengdanhaneun teulaenseunaesyeyoneol yumogjuche [Jeju Haenyeos: Transnational nomadic subject crossing the seas] // *Comparative Korean Studies*. . – 2011. – N 19. – S. 195-221. (in Kor)

16 Kang Dae-Won. jejujamsubu gwon-ig tujaengsa [The history of the struggle for rights of Jeju Jamsu]. – Jeju: Jejumunhwa, 2001. – 352 s. (in Kor)

17 An Mi-Jeong. sigminjisidae han-ilhaeyeog-ui jawongwa haenyeoui idong [The movements of women divers and marine resources in the colonial period of Korea and Japan] // *Han'guk Minjok Munhwa*. – 2016. – N 58. – S. 481-517. (in Kor)

18 Kim Su-Hee. iljesidae namhaean-eojang-

eseo jejuhaenyeoui eojang-iyong-gwa geu galdeung yangsang [Use of the women divers in the fishing ground of the South Cost and the aspect of their conflicts under the Japanese colonial period] // *The Journal of Korean History*. – 2007. – N 21. – S. 297-322. (in Kor)

19 Fumio Takano. soetoehaneun haenyeoeob-e daehayeo [The declining women's diving fishery] // Trans. Jung Kwang-Joong. *Journal of Cheju History Studies*. . – 2002. – N 11. – S. 47-58. (in Kor)

20 Kim Yung-don. jejuhaenyeoui silsang-gwa uiji [The facts and wills of Chejudo women divers] // *Asian Comparative Folklore*. – 2000. – N 18. – S. 125-133. (in Kor)

21 Ko Chang Hoon. A new look at Korean gender roles: Jeju (Cheju) women as a World Cultural Heritage // *World Environment and Island*

Studies. – 2013. – N 3(1). – S. 55-72. (in Eng)

22 Han Rim-Hwa. "jejujamsui sahoemunhwajeog uimiwa yeogdongseong. haeyangmunmyeongsa-eseoui jamnyeoui gachiwa munhwajeog gyeseung [The sociocultural meaning and dynamics of Jeju Jamsu] // *World Association for Island Studies, and The Institute of Peace Studies of Jeju National University*. – 2002. – S. 57-61. (in Kor)

23 Kim Hak-Mo, An, Mi-Jeong, & Park, Kyung-Hoon. jejuhaenyeowa ilbon-ama bigyo yeongu. (A comparative study between Jeju's Haenyeo and Japan's Ama). Jeju: Jeju Haenyeo Museum & Research Institute for Regional Government & Economy of Korea, 2014.

24 Lee Sang-Kyung. igiyeong- sidaewa munhag [Lee Ki-Young-The era and literature]. – Seoul: Pulbit, 1994. – 457 s. (in Kor)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ли Сохён PhD, Университет Чеджу, Чеджу, Республика Корея, poroyami@jejunu.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0001-9805-0871>

Мионг Сун Ок PhD, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы; Институт глобализации и мультикультурных исследований, Ханьянский университет, Республика Корея, Сеул, okmyong@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-1052-6925>

Ли Сохён PhD, Чеджу университеті, Чеджу, Корея Республикасы

Мионг Сун Ок PhD, доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің, Қазақстан, Алматы; Жаһандану және көпмәдениетті зерттеулер институты, Ханьян университеті, Корея Республикасы, Сеул

Lee Seohyeon PhD, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Myong Soon-ok PhD, associate professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; Institute of Globalization and Multicultural Studies, Hanyang University, Republic of Korea, Seoul